

Константин Полищук

ПРЕДЗАВТРА

Хроники Макарыча
сатирические рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Полищук

Предзавтра.

Хроники Макарыча

<https://litres.ru/74599829>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Предзавтра всё работает. По документам.

Здесь курица должна подтвердить личность, пенсионеру предлагают согласиться с расчётом, которого он не видел, свободу слова выдают по талону, а бессмертие можно признать системной ошибкой.

Макарыч задаёт неудобное «почему?» - и привычный порядок вещей начинает трещать по швам.

Автор книги Константин Полищук много лет работает с правом, рекламой, документами и цифровыми системами. Он хорошо знает: иногда действительность настолько абсурдна, что писателю приходится её немного приукрашивать, чтобы читатель поверил.

Но за сатирой и колким юмором здесь скрывается совсем другая история. О мальчике с тремя копейками, любви, памяти, страхе потери и человеке, который пытается не вычеркнуть самого себя из собственной жизни.

Двенадцать сатирических рассказов о мире, который сдвинулся всего на пять сантиметров.

И о Макарыче, который это заметил.

Содержание

КАКОЙ-ТО ИДИОТ РЕШИЛ НАПИСАТЬ КНИГУ	6
ПО ТЕМ ЖЕ РЕЛЬСАМ	25
СИНДРОМ МАКАРЫЧА	45
ГИМН ГОРОДУ, КОТОРОГО НЕТ	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Константин Полищук

Предзавтра.

Хроники Макарыча

ПРЕДЗАВТРА

ХРОНИКИ МАКАРЫЧА

Константин Полищук

Makarych

2026

ПРОЛОГ

КАКОЙ-ТО ИДИОТ РЕШИЛ НАПИСАТЬ КНИГУ

«- Не понимаю, - сказал Маленький принц.

- И понимать нечего, - сказал фонарищик. - Уговор есть уговор. [...]

- Уговор не менялся, - сказал фонарищик. - В том-то и беда! Моя планета год от года вращается всё быстрее, а уговор остаётся прежним».

Антуан де Сент-Экзюпери

«Маленький принц»

4 октября 2026 года я решил написать великую книгу.
Это было самонадеянно.

Мама лежала в соседней комнате очень больная. Настолько, что мы с отцом по очереди оставались рядом и оба боялись момента, когда придётся оставить её одну хотя бы ненадолго.

Отец уже сам был в том возрасте, когда помогать вообще-то надо ему.

Но он сидел рядом с ней, пока я работал.

Я сидел рядом с ней, пока он отдыхал.

Так и менялись.

Два мужика пятидесяти с лишним и сильно за семьдесят пытались организовать дежурство возле человека, которого оба очень боялись потерять.

На столе передо мной лежали договор, какие-то замечания по персональным данным, черновик очередной претензии и распечатка ответа одной цифровой империи, из которого следовало, что всё работает правильно.

Не работало примерно всё.

Я открыл Word.

Пустой лист посмотрел на меня совершенно спокойно.

Ему было легко.

Он ещё ничего в жизни не написал.

Я, наоборот, пытался лет с пяти.

Момент для возвращения в большую литературу был выбран идеально.

* * *

Написать что-нибудь великое мне хотелось всегда.

С великим получалось хуже.

Лет в пять я уже писал стихи.

Чертовски удачные.

Особенно по мнению автора.

Некоторое время я вообще подозревал, что литература наконец дождалась нужного человека.

Потом выяснилось, что у стихотворения желательно наличие рифмы.

Причём, зараза, не один раз.

Это немного осложнило отношения с музой.

Но не разорвало.

Лет в одиннадцать-двенадцать я снова полез в стихи.

Потом появились какие-то зарисовки.

Рассказы.

Наблюдения.

Что-то почти из жизни.

Словом, у Незнайки постепенно получалось почти как у Знайки.

Правда, Знайка об этом не знал.

* * *

Макарыч появился ещё раньше.

Я таскал с собой огромный том Носова.

По весу книга была, конечно, чуть меньше меня.

Ненамного.

Но носил я её с таким выражением лица, будто лично отвечал за эвакуацию русской литературы в случае пожара.

Почему к Носову в какой-то момент пристегнулся Чехов, сейчас установить невозможно.

Детство вообще довольно свободно обращается с литературоведением.

Но кто-то однажды произнёс:

- Дорогой дедушка, Константин Макарыч...

И всё.

Прилипло.

Так что Макарыча я не придумал.

Он завёлся сам.

Сначала это было прозвище мальчишки, который таскал книгу почти собственного веса.

Потом Макарыч куда-то исчез.

Как выяснилось, ненадолго.

Лет на сорок.

* * *

С рассказами возникла проблема посерьёзнее рифмы.

Я почему-то пытался писать из жизни.

А жизнь оказалась отвратительным соавтором.

Она категорически не понимала требований к правдоподобию.

Вот, например, человека после медицинской истории отвезли в морг.

Уже нехорошо.

Но допустим.

А через несколько часов этот человек вернулся к врачу.

Босиком.

Вот теперь попробуйте это написать.

Не рассказать знакомому вечером за столом:

- Представляешь...

А именно напечатать в книге.

Редактор скажет:

- Слишком.

Читатель скажет:

- Автор охренел.

Критик, если повезёт, напишет:

- Очевидна тяга к гротеску.

А если начать объяснять:

- Да какой гротеск, он реально из морга босиком пришёл!
становится ещё хуже.

Потому что теперь санитарная машина понадобится уже автору.

И даже если достать старую больничную книжку, отсканировать страницу и торжественно ткнуть пальцем:

- Вот!

не поможет.

Тем более что почти через двадцать лет документ уже знает эту историю гораздо лучше очевидца.

Там всё стало прилично.

После оперативного вмешательства упал в обморок.

Пришёл в себя.

Время.

Подпись.

Всё.

Морга нет.

Босых ног нет.

Человека, который через несколько часов явился к врачу, как претензия к устройству мироздания, тоже нет.

Обычный обморок.

Документ победил событие.

Я тогда ещё не знал, что спустя годы именно это будет интересоваться меня больше всего.

Не то, что произошло.

А то, во что произошедшее превращается после правильного оформления.

* * *

Со временем обнаружилась закономерность.

Чем точнее рассказываешь некоторые реальные истории, тем меньше они похожи на правду.

Чтобы человеку поверили, реальность приходится немного редактировать.

Иногда довольно сильно.

РЕАЛЬНОСТЬ НУЖДАЕТСЯ В ЖЁСТКОЙ РЕДАКТУРЕ, ЧТОБЫ КАЗАТЬСЯ ПРАВДОПОДОБНОЙ.

Вариантов у автора оставалось немного.

Либо диагноз.

Либо фантастика.

Диагноз показался мне слишком хлопотным литературным жанром.

Я выбрал фантастику.

Ненаучную.

Потому что научно объяснить происходящее всё равно получалось не всегда.

* * *

Потом прошло лет сорок.

Время вообще довольно подлая конструкция.

Сначала его столько, что можно спокойно отложить жизнь на потом.

Потом внезапно воскресенье.

Потом Новый год.

А потом тебе пятьдесят с лишним, и старенький отец мается с тобой у постели матери.

И вот тут почему-то хочется подвести итоги.

Дурацкое занятие.

Я попробовал.

* * *

Что получилось?

Дела выигрывал.

Иногда даже такие, в которых лично особенно не отвечивал.

Кто-то ходил в заседания.

Кто-то говорил.

Кто-то красиво строил позицию.

А я сидел в документах.

И временами вся моя выдающаяся роль сводилась к вопросу:

- А приложение номер три с приложением номер восемь кто-нибудь сверял?

Не сверяли.

И вот тут начиналось самое интересное.

Я много лет был чем-то вроде серого кардинала докумен-

тооборота.

Не тот человек, который эффектно встаёт:

- Ваша честь!

Скорее тот, кто перед этим тихо спрашивает:

- А срок они точно не пропустили?

Пауза.

- Какой срок?

Вот этот момент я любил.

Грешен.

Потому что иногда один скучный лист бумаги способен сделать с часовой речью то, чего не смог бы самый талантливый оратор.

И потом победитель рассказывает:

- Мы блестяще выстроили стратегию.

Конечно.

Особенно хорошо выглядела стратегия после того, как нашла бумажка.

* * *

Потом мир стал цифровым.

По крайней мере, так утверждали люди, продававшие цифровизацию.

Нормальные мужчины после пятидесяти начинают интересоваться рыбалкой, давлением, автомобилями и ценой хорошей теплицы.

Я зачем-то начал спорить с Яндексом.

Потом с ВК.

Потом ещё с несколькими представителями новой технологической цивилизации.

Другие заводили рассаду.

Я - переписку.

Звучит красиво:

МАКАРЫЧ ПРОТИВ ЦИФРОВЫХ ИМПЕРИЙ.

Человек в плаще.

Ночь.

Серверная.

Где-то мигает красная лампочка.

На самом деле я обычно сидел примерно там же, где сейчас.

За столом.

В свитере.

С кружкой.

И читал очередной ответ:

«Система функционирует корректно».

Это прекрасная фраза.

Особенно когда ты уже третью страницу объясняешь, что именно она сделала некорректно.

Следующий ответ:

«Мы понимаем ваши переживания».

Вот теперь всё.

Правовой вопрос окончательно решён.

Меня поняли.

Я однажды заметил, что крупная цифровая система уди-

вительно похожа на маленькую районную контору.

Просто в районной конторе тебе говорят:

- Девушка, которая этим занимается, будет после обеда.

А цифровая империя пишет:

- Ваш запрос передан профильной команде.

И там, и там ты никогда не увидишь этого человека.

Возможно, его вообще нет.

* * *

Самое смешное - я никогда не считал, что воюю с технологиями.

Наоборот.

Мне они нравятся.

Нейросети нравятся.

Автоматизация нравится.

Когда машина делает за пять секунд то, на что человек тратил три дня, я не вижу причин заставлять человека страдать ещё трое суток исключительно из уважения к традиции.

Мне не нравилось другое.

Когда технология начинала изображать источник истины.

- Так определила система.

И что?

Раньше говорили:

- Так положено.

Потом:

- Начальство решило.

Теперь:

- Алгоритм.

Человечество потратило миллиарды, чтобы заменить одну форму интонации другой.

А вопрос остался прежним:

- ПОЧЕМУ?

Вот здесь у цифровых империй иногда начинались проблемы.

Не от угроз.

Не от революции.

Не от человека, который кричит:

- Я вас всех засужу!

Таких система умеет пережёвывать пачками.

Проблемы начинались от зануды:

- Где это написано?

Потом:

- А почему вы применили именно это?

И совсем неприятное:

- Подождите. У вас же самим здесь написано другое.

После этого технология почему-то начинала нуждаться в человеке.

* * *

И вот где-то между судами, больницами, платформами, рекламой, документами, искусственным интеллектом и человеком, который однажды вернулся из морга босиком, я заметил одну странную вещь.

Мир вроде бы не сошёл с ума.

Это было бы слишком просто.
Он просто немного сдвинулся.
Сантиметров на пять.
Не настолько, чтобы рухнул дом.
Ровно настолько, чтобы дверь начала скрести по полу.
Ты её открываешь.
Она открывается.
То есть формально всё работает.
Просто каждый раз приходится немного приподнимать.
Вот эти пять сантиметров меня и заинтересовали.

* * *

Будущее уже приехало.
Просто как-то не всё сразу.
Искусственный интеллект способен написать диплом.
Батарея в октябре всё ещё может не греть.
Телефон узнаёт тебя по лицу.
Потом система просит подтвердить, что лицо действительно принадлежит тебе.
Документ можно отправить через континент за секунду.
Ответ на него получить через месяц.
Компьютер способен обработать миллион записей.
А человек всё ещё спрашивает:
- Где моя?
И получает:
- Ваше обращение находится на рассмотрении.
Всё работает.

Просто чуть-чуть не совпадает.

Я долго не мог придумать, как назвать этот мир.

«Будущее» - слишком пафосно.

«Завтра» - слишком оптимистично.

А потом получилось:

ПРЕДЗАВТРА.

Предзавтра - это сегодняшний день, которому дали ещё одну ночь.

* * *

Оставалась проблема.

Кто всё это будет рассказывать?

Я?

Не дай бог.

Константин всё ещё иногда старается выглядеть серьёзным человеком.

Возраст.

Профессия.

Документы.

Люди же смотрят.

Макарыч давно бросил.

И оказалось, что придумывать его вообще не требуется.

Он всё время где-то шлёлся рядом.

В пятилетнем авторе великих стихов без рифмы.

В мальчишке с томом Носова.

В одиннадцатилетнем писателе первых рассказов.

В человеке, который вместо красивой юридической кон-

струкции вдруг спрашивал:

- А по-русски можно?

В песнях.

В текстах.

В тех случаях, когда профессионально следовало написать:

«Представляется возможным усмотреть признаки несоответствия...»

а внутри уже давно стояло:

- Ребята, вы чего?

Макарыч не псевдоним.

Псевдоним - слово для человека, который серьёзно строит литературную карьеру.

Я её пока лет пятьдесят строю.

Фундамент замечательный.

Особенно если не спрашивать, где дом.

Нет.

Макарыч - скорее тот человек, который появляется, когда я перестаю делать вид, что разговариваю правильно.

* * *

За стеной что-то тихо звякнуло.

Я остановился.

Прислушался.

Встал.

Зашёл к маме.

Отец сидел рядом.

- Я побуду, - сказал я.
- Я ещё посижу.
- Иди отдохни.
- Потом.

Вот это «потом» я в последние дни особенно не любил.

Но спорить не стал.

Постоял.

Вернулся к компьютеру.

Пустая страница ждала.

И тут стало не смешно.

* * *

Я довольно долго умел бороться.

С документами.

С судебными позициями.

С чиновниками.

С компаниями.

С платформами.

С алгоритмами.

Иногда даже получалось выигрывать.

Можно найти статью.

Можно поднять практику.

Можно написать претензию.

Можно доказать, что человек ошибся.

Можно доказать, что система ошиблась.

Можно заставить большую компанию открыть собственные правила и прочитатъ их ещё раз.

Но нельзя написать претензию старости.

Нельзя направить времени требование:

«Прошу устранить допущенное нарушение в десятидневный срок».

Нельзя приложить медицинскую карту, фотографии, свидетельские показания и потребовать:

«Верните, пожалуйста, как было».

Даже госпошлину заплатить некуда.

Вот это оказалась система посерьёзнее Яндекса.

* * *

И вопрос:

«Чего я добился?»

вдруг стал каким-то маленьким.

Ну выиграл.

Ну помог.

Ну написал.

Ну поспорил.

Ну оказался прав несколько раз.

Поздравляю.

А дальше?

Вопрос оказался другим.

И гораздо неприятнее.

ЧТО Я ЕЩЁ УСПЕЮ ЗАПИСАТЬ?

* * *

Мемуары я решил не писать.

Опасный жанр.

Человек пишет их после события и поэтому уже знает, чем всё закончилось.

После этого прошлое удивительным образом становится разумным.

Случайность превращается в судьбоносную встречу.

Глупость - в этап взросления.

Провал - в ценный опыт.

Трусливое решение - в осторожность.

Упрямство - в принципиальность.

Человек сорок лет шёл неизвестно куда, потом открыл Word - и внезапно выяснилось, что у него с самого начала был план.

Макарыч прочитал бы такую мою биографию.

Подумал.

И сказал:

- Хороший мужик.

Я бы обрадовался.

А он добавил бы:

- Жаль, что не ты.

Поэтому не мемуары.

Рассказы.

Про то, что было.

Про то, чего не было.

Про то, что было настолько точно, что придётся немного соврать, иначе никто не поверит.

Про человека, которого официально почти не возили в

морг.

Про город, которого нет.

Про свободу по талону.

Про курицу, которой система отказала в существовании.

Про мужчину, который спасал женщину и не сразу понял,
кого именно он спасал.

Про технологии, которые знают о человеке всё, кроме того,
что он человек.

Про мальчишку.

Про старика.

Про родителей.

Про меня.

Хотя последнего, пожалуй, поменьше.

Он мне и так порядком надоел.

* * *

Я снова открыл пустой файл.

Написал:

ПРЕДЗАВТРА

ХРОНИКИ МАКАРЫЧА

Посмотрел.

Название было идиотское.

Значит, можно начинать.

Оставался последний вопрос.

С чего?

С судов?

С морга?

С цифровых империй?

С матери?

С отца?

С огромной книги Носова?

С того момента, когда я впервые решил, что умею писать стихи?

Нет.

Почему-то вспомнились три копейки.

Советские.

И мальчишка, который пытался засунуть их в автомат, уже давно живущий в Предзавтра.

Я взял ручку.

А потом подумал, что первую историю, пожалуй, лучше начать иначе.

У метро «Речной вокзал» мальчишка пытался купить газировку за три копейки.

ПО ТЕМ ЖЕ РЕЛЬСАМ

«Человек всю жизнь собирает собственную картину ми-

ра из опыта, книг, любви, страха, ошибок, чужих слов, случайностей и придуманных им объяснений.

В каждый конкретный момент эта картина кажется ему достаточно правильной, чтобы по ней жить.

Но настоящая проверка начинается тогда, когда от его картины мира начинает зависеть жизнь другого человека.

Чем больше у него власти воплощать свою правоту, тем важнее становится не вопрос «прав ли он?», а вопрос: что он оставил другому человеку на случай, если всё-таки ошибается?»

- Макарыч

У метро «Речной вокзал» мальчишка пытался купить газировку за три копейки.

Автомат был новый, блестящий, с экраном и надписью: «Принимаем карты, телефоны и хорошее настроение». Карты он, вероятно, принимал. Хорошее настроение требовалось приносить с собой.

Советские три копейки автомат выплёвывал.

Мальчишка поймал монету, снова сунул её в прорезь и нажал кнопку.

Автомат пискнул.

Монета звякнула о лоток.

Мальчишка выругался шёпотом и ударил автомат левой ногой.

- Железяка.

Макарыч остановился.

Не потому, что ему стало жалко автомат. Некоторые железяки нуждаются в хорошем пинке не меньше людей. Просто у людей для этого существуют должностные инструкции, а железяки пока юридически беззащитны.

Знакомым был сам удар: левой, с небольшого разбега, носком дешёвого ботинка.

- Он твою монету не возьмёт, - сказал Макарыч.

- Спасибо. А я думал, это он сдачу копит.

- Она старше автомата.

- И что? Я тоже старше газировки.

Лет двенадцать-тринадцать. Тонкая куртка не по погоде, вязаная шапка, красные от мороза руки. На плече - брезентовая сумка, набитая так, будто ребёнок собрался не домой, а из дома.

Макарыч приложил карту.

Автомат радостно пискнул и выдал пластиковую бутылку.

- Колдовство? - спросил мальчишка.

- Банковское. Колдовство обычно обходится дешевле.

Мальчишка повертел бутылку в руках.

- А стакан?

- Стакан отменили. Теперь у каждого своя бутылка и общая мусорная проблема.

Он сделал глоток, поморщился, но выпил ещё.

- Раньше вкуснее была.

Макарыч почувствовал, как внутри что-то перевернулось и легло острым краем вверх.

- Откуда ты знаешь, как было раньше?

- Утром пил.

За спиной мальчишки горели вывески Предзавтра, над дорогой ползли беспилотные машины, а электронное табло обещало прибытие трамвая через две минуты.

Будущее ещё не научилось опаздывать честно.

Макарыч посмотрел на монету в его руке.

Три копейки. Год почти стёрся.

- Тебя как зовут?

Мальчишка назвал имя.

Своё.

Не Макарыч. То, прежнее - которым его звали до седых волос, судов и песен.

Подошёл трамвай.

Мальчишка дёрнулся к дверям.

- Тебе куда? - спросил Макарыч.

- Не домой.

- Я спросил «куда».

- А я ответил точнее.

Макарыч вошёл следом, хотя собирался совсем в другую сторону.

В салоне пахло мокрыми куртками, железом и перегретой проводкой. Билетный автомат потребовал карту. Макарыч купил два билета.

- Я верну, - сказал мальчишка.

- Тремя копейками?

- Когда деньги появятся.
- Лет через сорок?
- Если не станете проценты считать.
- Я юрист.
- Тогда зря я сел.

Мальчишка устроился у окна и положил сумку на колени.
Трамвай тронулся.

За стеклом поплыли мост, снег, тёмная река и город, который столько раз менял вывески, что уже сам не помнил, как называется.

Макарыч кивнул на сумку:

- Это что?
- Сумка.

И только тогда он вспомнил другое «Это что?» - отцовское, тяжёлое, произнесённое над школьной тетрадью.

Мальчик прекрасно понимал, о чём его спрашивают.

Отец прекрасно понимал, что он понимает.

- Дневник, - ответил мальчишка и, очевидно, не тем тоном, как того хотел отец.

И за безусловно правильное слово, а может быть за тон ответа, сейчас уже Макарыч не помнил точно, его били ремнём часа полтора.

Он не помнил всех ударов.

Зато помнил сжатые губы отца. Побелевшую кожу вокруг рта. И свой собственный визг - высокий, рванный, совсем не

похожий на голос мальчишки, который ещё несколько минут назад старался держаться взрослым.

И ремень.

У ремня была удивительная способность каждый раз находить новое место, хотя довольно быстро начинало казаться, что болеть уже больше негде.

В какой-то момент перестаёшь понимать, куда он попал.
В бедро.

В спину.

В плечо.

Просто ждёшь следующего.

Не за дневник.

За то, что оба поняли.

- Что в сумке? - поправился Макарыч.

- Вот теперь вопрос правильный. Хлеб. Носки. Книга.

- Какая?

- Со страницами.

- Дома знают, что ты ушёл?

- Если бы знали, я был бы дома.

Трамвай стукнул на стыке рельсов.

Звук вошёл Макарычу под рёбра.

Он увидел другие шпалы. Железнодорожные. Чёрные, обледеневшие, уходящие вперёд без всякого обещания, что впереди будет тепло.

Много лет Макарыч рассказывал себе ту историю акку-

ратно.

Трудный возраст.

Семейный конфликт.

Подростковое упрямство.

Попытка доказать самостоятельность.

Хорошие взрослые слова.

В них можно завернуть память, как разбитый стакан в газету, и вынести из головы, не порезавшись.

- Ты ведь по шпалам пошёл, - сказал Макарыч.

Мальчишка резко повернулся.

- Откуда знаете?

- Я там был.

- Рядом?

- Нет.

- А где?

Макарыч помолчал.

- Рос.

Мальчишка кивнул.

- Долго.

Трамвай шёл вдоль реки.

В окне отражались два лица: одно ещё не умело скрывать страх, другое научилось слишком хорошо.

- Там снег был по колено, - сказал мальчишка. - Ботинки сразу промокли. Я думал, если идти быстро, будет теплее.

Макарыч помнил.

Как хлеб задубел на морозе.

Как пальцы перестали чувствовать ремень сумки.

Как он вслушивался в рельсы, боясь поезда, и всё равно шёл по ним, потому что рельсы хотя бы знали направление.

Потом его искали.

Серьёзно.

Два военных гарнизона и милиция практически всей Чуйской долины.

Такой государственный ресурс Макарычу впоследствии выделяли нечасто. Особенно с учётом того, что объект розыска представлял собой тринадцатилетнего пацана в мокрых ботинках, с замёрзшим хлебом в сумке и довольно приблизительным представлением о конечной точке маршрута.

Самое смешное - он особенно и не прятался.

Не скрывался.

Не менял документы.

Не переходил на нелегальное положение.

Просто шёл.

По рельсам.

- Зачем ты ушёл? - спросил Макарыч.

Мальчишка не ответил.

Трамвай прошёл перекрёсток. За стеклом мелькнула остановка. Женщина с пакетом. Мужчина, зачем-то побеговавший за уже закрывшимися дверями. Девочка в белой шапке держала мать за рукав.

Мир несколько секунд занимался своими делами.

- Вы же знаете.

- Знаю.

Макарыч помолчал.

- Только я много лет отвечал неправильно.

- Значит, отвечали как взрослый.

- Хуже. Как взрослый, который оправдывает других взрослых.

Мальчишка провёл ладонью по запотевшему стеклу.

Полоса получилась неровная.

- Я ничего не хотел доказывать.

Между словами повисла неловкая, леденящая что-то внутри пауза.

- Я просто больше не мог там быть.

Все прежние объяснения разом стали тем, чем были: алиби для взрослых.

- А меня найдут? - спросил мальчишка.

- Да.

- Вернут?

Макарыч посмотрел на него.

- Да.

- Хорошо.

Макарыч вскинул голову.

- Хорошо?

- Нет. Проверял, соврёте или нет.

- И как?

- Пока держитесь.

Трамвай качнуло на повороте.

- Там станет лучше?

Макарыч мог рассказать, что боль сделает его сильнее, книги спасут, музыка выведет, а страдание облагораживает.

Особенно чужое - оно вообще безотказный материал для проповеди.

Можно было сказать, что всё это зачем-то было нужно.

Что испытания даются по силам.

Что когда-нибудь он поймёт.

Взрослые очень любят объяснять ребёнку смысл его боли задним числом.

Особенно когда боль была не у них.

Но мальчишка уже наслушался взрослых.

- Не сразу, - ответил Макарыч. - И не всё.

- Тогда зачем вы тут?

- Не знаю, может быть сказать одну вещь, хотя тоже не уверен.

Макарыч вспомнил подходящую максиму:

- *Ad impossibilia nemo tenetur* (Никто не обязан делать невозможное).

Фраза была точная, древняя и совершенно бесполезная для замёрзшего мальчишки с куском хлеба в сумке.

- По-русски, - потребовал тот.

- Это латынь.

- Я слышу. Вы на ней спрятались.

Макарыч кивнул.

- Ты не виноват.

Мальчишка нахмурился.

- В чём?

- Ни в чём.

- Так не бывает.

- Бывает. Просто если ребёнок не виноват, приходится искать виноватого среди тех, кто выше ростом.

- Нашли?

- Да.

- Сказать сможете?

Макарыч посмотрел ему в глаза.

Трамвай снова ударил колёсами о стык.

Раз.

Ещё раз.

- Они не должны были делать тебе больно.

Мальчишка отвернулся к окну.

- Вот теперь по-русски.

Несколько секунд слышно было только колёса.

- А чего вы раньше молчали?

- Стыдно было.

- За них?

- За себя. Думал, должен был выдержать.

- Но это же я не выдержал.

- Я знаю.
- Теперь знаете?
- Теперь - да.
- Быстро вы.

Макарыч выдержал его взгляд.

- Сорок лет.
- Мальчишка подумал.
- Я заметил.

Он допил газировку и поставил бутылку между ботинками.

Некоторое время смотрел на неё.

Потом спросил:

- А сейчас ты счастлив, Макарыч?

Он впервые назвал его так.

Макарыч не ответил.

За окном тянулась река.

По серой воде шёл мелкий ветер.

В стекле по-прежнему сидели двое.

Один ждал ответа.

Второй прожил больше сорока лет специально для того, чтобы теперь его не знать.

Макарыч открыл рот.

Закрыл.

За пятьдесят с лишним лет он научился убедительно объяснять даже то, чего не понимал.

Особенно это.

- Не уверен.

Мальчишка подождал.

- Столько прожил и не разобрался?

- Не разобрался.

Колёса отбили ещё один стык.

Мальчишка кивнул так, будто принял промежуточный отчёт.

- Дом есть?

- Квартира.

- Машина?

- Нет.

- Дача?

- Собирались купить.

- Купили?

- Нет.

- Денег не хватило?

- Здравого смысла хватило. Дом стоял набок, словно уже выпил за сделку. Вода - у соседа. Электричество - если молния попадёт. До озера три поля и болото. Зато хозяйка уверяла, что место перспективное.

- И что сделали?

- Уехали.

- И всё?

- Песню написал.

Мальчишка повернул к нему голову.

- Вместо дачи?
- Получается, да.
- Песня хорошая?
- Смешная.

- Я не спросил, смешная ли.

Макарыч провёл пальцем по краю билета.

- Хорошая. Только там всё смешно, чтобы никто не заметил, как мы устали искать место, где можно просто жить.
- Никто - это кто?
- Люди.
- Или ты?

Макарыч посмотрел в окно.

- И я.

Мальчишка снова отвернулся.

- Значит, опять спрятал.
- Что?
- Правду. Раньше прятал в умные слова. Теперь - в рифму.
- Я хотя бы пишу.
- А живёшь когда?

Макарыч хотел ответить резко.

- Не нашёл в салоне никого, на кого можно было бы безопасно направить эту резкость.
- Иногда между куплетами.
 - Понятно. Перерыв на жизнь.

В окне дрогнуло отражение Макарыча.

- Ты всё превращаешь в песни? - спросил мальчишка.

- Не всё.

- Что не превращаешь?

Макарыч перебрал прожитое. Проваленные планы становились сатирой. Несбывшиеся поездки - куплетами. Боль - метафорой.

А одиночество получало рифму, размер и музыкальное вступление.

Даже счастье у него ехало в трамвае, пока герой стирал ноги, шёл к цели и собирал награды.

- Не помню, - признался он.

- Зачем тогда пишешь?

- Чтобы не забыть.

- Ещё.

- Чтобы другие узнали себя.

Мальчишка ждал.

Врать ему было всё равно что фальшивить перед камертоном.

- Иногда - чтобы не жить сразу.

- Вот этот ответ оставь.

- Для песни?

- Для себя.

Макарыч рассмеялся.

Мальчишка тоже улыбнулся, но тут же отвернулся.

Несколько остановок они ехали молча.

За окном тянулись дома Предзавтра.

В одном окне женщина поливала цветы.

В другом мужчина держал на руках ребёнка.

На остановке старик поправлял варежку старухе.

Обычные люди занимались мелкими делами, которые никто не называл предназначением.

- Ты зачем сел в трамвай? - спросил мальчишка.

- Чтобы ты не ехал один.

- Я уже один ходил.

Макарыч посмотрел на него.

- Знаю.

- Может, теперь ты один не умеешь?

Ответить было нечем.

Трамвай остановился.

Кто-то вошёл.

Кто-то вышел.

Двери закрылись.

- А любовь будет? - спросил мальчишка.

Макарыч посмотрел на него.

Вот этого вопроса он почему-то боялся больше предыдущих.

Наверное, потому что на него нельзя было ответить цифрой.

- Будет.

Мальчишка почти сразу спросил:

- Не потеряешь?

Теперь Макарыч смотрел на свои руки.

- Кого-то потеряю. Кого-то обижу. Кто-то уйдёт сам.

- Я про тебя спрашивал.

Макарыч поднял глаза.

- Я тоже.

Мальчишка немного помолчал.

- А счастье?

- Иногда будет рядом.

- И ты его опять не заметишь?

- Иногда.

- Почему?

Макарыч кивнул на рельсы.

- Привык идти до конечной. Даже когда сел не в тот трамвай.

Мальчишка взглянул на схему маршрута.

- Выходим.

- Здесь?

- Здесь.

- Нам сюда надо?

- А тебе обязательно всё знать заранее?

- Я взрослый.

- Сочувствую. Нажимай кнопку.

Макарыч нажал.

Они вышли.

Трамвай звякнул и ушёл дальше, унося тепло, пассажиров и безупречное знание маршрута.

Перед ними лежала незнакомая улица.

Старый тополь.

Несколько пятиэтажек.

Булочная.

Во дворе дети строили крепость из грязного снега.

- И что теперь? - спросил Макарыч.

- Это ты взрослый.

- Тогда зайдём за хлебом.

- У меня есть.

- Твой замёрз.

- А твой?

- Ещё не купил.

- Хорошо устроился: хлеба нет, зато решение принято.

В булочной Макарыч взял горячий батон и два пирожка с повидлом.

На улице мальчишка разломил батон.

Пар поднялся от мякиша и на секунду закрыл его лицо.

Макарыч смотрел на этот пар.

На горячий хлеб.

На маленькие красные от холода пальцы.

Ему вдруг очень захотелось назвать происходящее.

Так человек иногда пытается удержать вещь, дав ей правильное слово.

- Счастье? - спросил Макарыч.

Мальчишка протянул ему половину.

- Не называй.

Пауза.

- Ешь.

Макарыч взял хлеб.

И впервые за весь разговор послушался сразу.

Они сели на скамейку возле тополя.

Мимо шли люди.

Под ногами хрустел снег.

Где-то за домами звенел трамвай.

Некоторое время они просто ели.

Никто ничего не объяснял.

- Если ты - это я, значит, я всё-таки дошёл? - спросил мальчишка.

- Дошёл.

- Куда?

Макарыч хотел сказать: до Предзавтра, до седых волос, книг, песен и понимания.

Можно было придумать что-нибудь красивое.

Он уже умел.

- Не знаю.

Мальчишка кивнул.

- Наконец-то.

Он поднялся и вложил три копейки Макарычу в ладонь.

- Держи.

- Зачем?
- На обратный билет.
- Автомат их не принимает.
- Ты тоже сначала не принимал.

Макарыч посмотрел на монету.

- А если я не хочу обратно?
- Тогда не садись.

Он поднял голову.

Мальчишки рядом уже не было.

Подошёл трамвай.

Двери раскрылись.

Макарыч вошёл и сел у окна.

Машинально достал ручку.

Посмотрел на неё.

И снова засунул в карман.

За стеклом поплыли снег, пятиэтажки и две параллельные линии, уходящие неизвестно куда.

Трамвай тронулся.

Ручка осталась в кармане.

СИНДРОМ МАКАРЫЧА

«Слова врут редко.

Чаще врут те, кто ими пользуется».

- Макарыч

В сорок с небольшим Макарыч впервые вызвал сантехника из-за русского языка.

Сам он тогда этого ещё не знал.

Он вообще думал, что течёт батарея.

* * *

Стоял январь.

Не праздничный.

Праздничный январь закончился примерно тогда же, когда закончились салаты, деньги и способность организма спокойно смотреть на майонез.

Остался обычный. Серый.

За окном было минус двадцать с чем-то. На стекле вдоль рамы лежала узкая полоска льда. Во дворе уже минут десять заводи́ли старую машину. Стартер крутил, двигатель кашлял. Мужик выходил, открывал капот и внимательно смотрел внутрь, будто двигатель мог смутиться и признаться, что именно у него болит.

Потом закрывал капот.

Садился.

Снова крутил стартер.

Макарыч наблюдал за этим между делом.

Есть процессы, в которые посторонний человек очень быстро эмоционально вовлекается.

К десятой попытке ему уже тоже хотелось, чтобы эта за-
раза завелась.

Батарея под окном была тёплая.

Если очень верить в лучшее.

Макарыч потрогал её рукой. Потом ещё раз.

Температура от повторной проверки не изменилась.

На подоконнике лежала вода.

Немного.

Прозрачная.

Макарыч вытер её тряпкой.

Через десять минут появилась снова.

- Ну прекрасно.

Он полез под батарею. Проверил соединения, трубу, сте-
ну.

Сухо.

Подоконник - мокрый.

Физика начинала вести себя как бухгалтерия в конце
квартала: вроде всё должно сходиться, но лучше пока нико-
му не показывать.

Макарыч позвонил в управляющую компанию.

Женщина на том конце выслушала.

- Заявка зарегистрирована.

- Хорошо.

- Специалист осуществит выезд в рамках установленного
временного интервала.

На подоконник упала капля.

Макарыч посмотрел.

- Какого интервала?

- Установленного.

Ещё капля.

- Кем?

Пауза.

- Регламентом.

Теперь их было три.

Макарыч потрогал батарею.

Потом стену.

Потом телефон.

Телефон был сухой.

- Девушка, а по-человечески?

Женщина вздохнула.

Не служебно.

По-настоящему.

- Сантехник сегодня придёт.

Капли перестали появляться.

Макарыч посмотрел на подоконник.

- Спасибо.

- Обращайтесь.

Он ещё секунд десять смотрел на воду.

Потом вытер.

За окном снова заработал стартер. Машина кашлянула.

Мужик вылез.

Из окна первого этажа кто-то крикнул:

- Ну чего?

- Заводится!

Машина заглохла.

Макарыч посмотрел вниз.

Потом на сухой подоконник.

- Главное - не врать.

* * *

Сантехник пришёл после обеда.

Лет пятидесяти. Куртка. Сумка с инструментом. Мокрые ботинки. Лицо человека, который за жизнь видел столько батарей, что перестал ждать от них благодарности.

- Где?

Макарыч показал.

Сантехник потрогал батарею, соединение, трубу, подоконник.

Ещё раз подоконник.

- Сухо.

- Сейчас сухо.

- А было?

- Было.

- Много?

- Не очень.

Сантехник посмотрел на окно.

- Конденсат.

- На середине подоконника?

- Бывает.

- От чего?
- От жизни.

Ответ Макарычу понравился.

Сантехник ещё раз осмотрел батарею.

- Не течёт.
- Я тоже уже начал подозревать.
- Тогда зачем вызывали?
- Когда вызывал - подозревал другое.

Сантехник посмотрел на него чуть дольше необходимого.

По телевизору в соседней комнате шли новости.

Женский голос сообщил:

- В целях повышения надёжности теплоснабжения параметры подачи теплоносителя временно скорректированы.

На подоконнике появилась капля.

Потом вторая.

Макарыч замер.

Сантехник прислушался к телевизору, потрогал батарею.

- Отопление опять прикрутили.

Макарыч перевёл взгляд на подоконник.

Ничего нового.

Две прозрачные капли лежали там, где секунду назад их не было.

- Повторите.
- Что?
- Что вы сказали.
- Отопление прикрутили.

- Ещё раз.

Сантехник медленно выпрямился.

- Мужик, вы меня для этого вызвали?

- Нет.

- А зачем?

Макарыч посмотрел на капли.

- Пока не знаю.

Сантехник застегнул сумку.

- Батарея не течёт.

- Спасибо.

- Если потечёт - звоните.

Он дошёл до двери.

Обернулся.

- Только желательно, чтобы в следующий раз вода была.

- Постараюсь.

- Было бы неплохо.

И ушёл.

* * *

Макарыч вернулся к подоконнику и провёл пальцем.

Жидкость была холодная.

Прозрачная.

Чуть вязкая.

Не вода.

Он понюхал.

Ничем.

Попробовать на язык не рискнул.

Всё-таки сорок с небольшим - возраст, когда человек уже имеет право не проверять все гипотезы лично.

Через несколько минут жидкость исчезла.

Не высохла.

Именно исчезла.

Макарыч сел.

Посмотрел на телевизор.

Там уже рассказывали о чём-то другом.

* * *

На следующий день он начал замечать.

Не специально.

Сначала в магазине.

Женщина у кассы ругалась из-за цены. На полке было написано одно, в чеке - другое.

Администратор сказала:

- Информация на ценнике носит справочный характер, окончательная стоимость определяется в момент совершения покупки.

У ножки стойки появилась тонкая прозрачная полоска.

Покупательница спросила:

- То есть на полке цена неправильная?

Сухо.

Администратор поджала губы.

- Я бы не стала формулировать вопрос таким образом.

Полоска стала шире.

Макарыч ушёл, не дождавшись финала.

Ему уже начинало быть интересно.

* * *

Потом было совещание.

Один человек сказал:

- Нам необходимо оптимизировать распределение зон ответственности.

Под столом блеснуло.

Другой спросил:

- То есть людей не хватает?

Сухо.

- Я бы не сводил вопрос исключительно к численности персонала.

К ножке стола поползла тонкая прозрачная нить.

Макарыч перестал записывать.

Он уже примерно понимал, что происходит.

Но пока надеялся, что ошибается.

Надежда вообще долго остаётся последним убежищем человека, который уже всё понял.

* * *

Через неделю он начал вспоминать.

Не события.

Лужи.

Вот что было странно.

В детстве он иногда видел влажное пятно после фразы:

- Я делаю это для твоего блага.

Раньше думал - сырость.

В школе что-то блестело возле доски после:

- Каждый имеет право на собственное мнение.

А через минуту:

- Неправильные мнения мы сейчас отдельно разберём.

Тогда он решил, что уборщица плохо вытерла пол.

В армии.

В кабинетах.

В судах.

В семьях.

В разговорах, где один человек объяснял другому, что именно тот сейчас должен чувствовать.

Оно было всегда.

Просто Макарыч много лет считал мир плохо вытертым.

* * *

Сначала он решил, что видит ложь.

Версия была красивая.

Просуществовала примерно сутки.

Потом знакомый сказал ему:

- Я испугался и соврал.

Макарыч посмотрел под стол.

Сухо.

- Что? - спросил знакомый.

- Ничего.

- Я некрасиво поступил.

Сухо.

- Знаю.

- Хотел выкрутиться.

Сухо.

Макарыч даже расстроился.

Очень уж хотелось простого устройства мира.

Соврал - потекло.

Сказал правду - сухо.

Удобно.

Можно было бы сдавать помещение в аренду следственным органам.

Но мир опять оказался сложнее.

Тот же знакомый минут через десять объяснил:

- Мной была выбрана коммуникативная стратегия, направленная на минимизацию негативных последствий.

С края стола медленно свесилась прозрачная капля.

Макарыч посмотрел.

Вот оно.

- Что?

- Ничего.

- Ты на стол смотришь.

- Я думаю.

- О чём?

Макарыч взял салфетку.

- О коммуникативной стратегии.

* * *

Постепенно стало ясно.

Жидкость не показывала ложь.

Она вообще не интересовалась моралью.

Можно было сказать жестокую правду - и вокруг оставалось сухо.

Можно было признаться в трусости.

В зависти.

В жадности.

В измене.

В глупости.

Неприятно.

Но сухо.

Зато стоило простую вещь завернуть в слова так, чтобы она перестала быть похожа сама на себя, - начиналось.

«Не уволили, а высвободили».

Кап.

«Не подняли цену, а актуализировали стоимость».

Кап.

«Не отказали, а не нашли оснований для положительного решения».

Плюх.

Это была не обязательно ложь.

Хуже.

Иногда человек и сам верил тому, что говорил.

Просто между событием и его названием вдруг появлялось расстояние.

И вот в этом расстоянии что-то начинало скапливаться.

Осадок появлялся не тогда, когда человек говорил

неправду.

А тогда, когда слово пыталось занять место реальности.

* * *

Открытие ему понравилось.

Примерно часа на два.

Потом Макарыч сел работать.

Нужно было подготовить заключение. Ситуация сложная.

Клиент хотел понять, есть ли шанс.

Макарыч написал:

«Представляется возможным говорить о наличии обоснованной перспективы положительного разрешения сложившейся ситуации при условии надлежащего формирования доказательственной позиции».

Перечитал.

Нормально.

Профессионально.

Юридически.

Под клавиатурой что-то блеснуло.

Макарыч замер.

Маленькая прозрачная капля.

- Да ладно.

Капля стала больше.

- Нет.

Он поднял клавиатуру.

Под ней тянулась тонкая липкая полоска.

- Это другое.

Полоска поползла к краю стола.

Макарыч посмотрел на экран.

Ещё раз прочитал собственную фразу.

«Представляется возможным говорить...»

Кап.

«Обоснованной перспективы...»

Кап.

«При условии надлежащего формирования...»

- Сука.

Жидкость продолжала собираться.

Макарыч встал. Прошёлся. Вернулся.

- Хорошо.

Удалил абзац.

Написал:

«Я не могу обещать, что мы выиграем».

Сухо.

Добавил:

«У нас есть сильные аргументы».

Сухо.

Подумал.

«Есть и риски. Я их вижу и отдельно покажу».

Полоска под клавиатурой начала исчезать.

Макарыч смотрел на неё.

Ему совершенно не понравилось направление исследования.

Пока текли чиновники, маркетологи и службы поддерж-

ки, всё выглядело многообещающе.

Когда потёк собственный текст, наука утратила часть очарования.

* * *

Вечером он устроил себе проверку.

Открыл старые документы.

Собственные.

Некоторые места были сухими.

Некоторые - нет.

Особенно хорошо текли фразы, которыми он когда-то пытался выглядеть умнее клиента.

«С учётом вышеизложенного представляется целесообразным...»

Кап.

- Ясно.

Следующий документ.

«Нельзя исключить вероятность возникновения негативных последствий...»

Кап.

- Ну да.

Ещё один.

«Шансов мало. Если идти в суд, надо понимать, что проигрыш вполне возможен».

Сухо.

Макарыч откинулся на спинку стула.

- Вот зараза.

Никто не ответил.

И это было хорошо.

* * *

Через пару недель сантехник пришёл снова.

На этот раз Макарыч его не вызывал.

Снизу пожаловались на воду.

- Теперь у вас реально течёт.

- Уверены?

- Хотите сертификат?

Они прошли на кухню.

Под раковиной действительно капало.

Обычная вода.

Тёплая.

Мокрая.

Пахла трубами.

Макарыч почему-то обрадовался.

- Наконец-то.

Сантехник посмотрел на него.

- Вы очень странный человек.

- Мне уже говорили.

- Я жене про вас рассказывал.

- Зачем?

- Ну а кому ещё?

Он полез под раковину.

- Она сказала, у вас, наверное, синдром.

- Какой?

Сантехник пожал плечами.

- Макарыча.

- Почему моего?

- А чей ещё?

- Медицинская наука обычно сначала исследует заболевание.

- А жена сразу сказала.

- Сильная женщина.

- Тридцать лет вместе.

- Тогда квалификация подтверждена практикой.

Сантехник затянул соединение, открыл воду, закрыл и подождал.

Сухо.

- Вот теперь нормально.

Макарыч посмотрел под раковину.

Действительно.

Ни воды.

Ни слов.

* * *

Позже Макарыч назовёт всё это Предзавтра.

Тогда названия ещё не было.

Был январь.

Холодная батарея.

Сантехник.

Старая машина во дворе, которую заводили с утра.

И постепенно обнаруживалась одна очень удобная осо-

бенность окружающего мира.

Отопление было.

В квартире было холодно.

Заявку приняли.

Сантехник пришёл.

Батарея не текла.

На подоконнике была жидкость.

Ответ человеку дали.

Только вопрос остался.

Документ оформили.

Только событие после оформления стало каким-то другим.

И самое прекрасное - никто особенно не врал.

Подписи настоящие.

Печати настоящие.

Люди настоящие.

Даже намерения иногда вполне приличные.

А в результате получается какая-то хрень.

Причём правильно оформленная.

Макарыч открыл блокнот.

Написал:

«ФОРМАЛЬНО ВСЁ НОРМАЛЬНО».

Из-под блокнота медленно выползла прозрачная капля.

Макарыч посмотрел на неё.

- Ага.

Зачеркнул.

Подумал.

Написал:

«ФОРМАЛЬНО ВСЁ ОФОРМЛЕНО».

Сухо.

За окном снова заработал стартер.

Двигатель кашлянул, чихнул и неожиданно завёлся.

Макарыч поднял голову.

Мужик во дворе вылез из машины и с удовлетворением хлопнул дверью.

Из первого этажа снова крикнули:

- Ну?!

- Я же говорил! Заводится!

Машина работала.

Реально.

Без оговорок.

Макарыч посмотрел на блокнот.

- Вот теперь всё сходится.

* * *

Минут через десять позвонили в дверь.

Сантехник.

- Перчатки забыл.

- Заходите.

Он прошёл на кухню, наклонился к сумке и остановился.

Под мойкой снова капало.

Сантехник медленно выпрямился.

Посмотрел на Макарыча.

Макарыч - на него.

- Вы же починили.

- Починил.

- Тогда почему течёт?

Сантехник присел, потрогал соединение.

Посмотрел.

- Это пока не установлено.

На пол упала прозрачная капля.

Не из трубы.

Макарыч уже хотел посмотреть вниз.

Но сантехник посмотрел раньше.

Совсем чуть-чуть.

Быстро.

Будто сам не понял зачем.

Макарыч замер.

- Что?

- Ничего.

- Вы сейчас куда посмотрели?

- На пол.

- Зачем?

- Мокро вроде.

Макарыч посмотрел.

Между плитками медленно растекалась прозрачная капля.

- Вы её видите?

Сантехник поднял голову.

- Что именно?

Из комнаты бодро сообщили:

- Все обращения граждан находятся на особом контроле.

Плюх.

Теперь сантехник посмотрел совершенно точно.

На то самое место.

Потом на телевизор.

Потом на Макарыча.

- Слушайте...

- Что?

- А «на особом контроле» - это когда ответят или когда просто особенно контролируют, что не отвечают?

Макарыч медленно сел.

- Плохо дело.

- Почему?

- Началось.

- Что началось?

- Синдром.

Сантехник нахмурился.

- Ваш?

Макарыч посмотрел на каплю.

- Уже не уверен.

За окном машина, которую всё утро заводили, наконец тронулась.

Проехала метров двадцать.

Заглохла.

Во дворе стало тихо.

Сантехник посмотрел в окно.

- Технически движение началось.

На подоконнике появилась капля.

Он увидел её.

На этот раз оба это поняли.

Сантехник молчал секунд пять.

Потом сказал:

- Блядь.

Сухо.

Макарыч кивнул.

- Поздравляю.

- С чем?

- Первая здоровая формулировка.

Сантехник посмотрел на него.

Потом на каплю.

Потом снова на машину.

- И это теперь навсегда?

Макарыч пожал плечами.

- Это пока не установлено.

Они оба посмотрели на пол.

Сухо.

Сантехник забрал перчатки.

- Жене ничего не скажу.

- Почему?

- Ещё подумает, что заразно.

Он открыл дверь.

Остановился.

- Хотя...

- Что?

- По ходу, заразно.

И ушёл.

* * *

Макарыч остался один.

За окном мужик снова открыл капот.

Из первого этажа спросили:

- Чего теперь?

Мужик долго смотрел на двигатель.

Потом ответил:

- Пока не установлено.

Макарыч подошёл к окну.

На подоконнике появилась маленькая прозрачная капля.

Он усмехнулся.

Вернулся к столу.

Открыл блокнот.

Написал:

«Начать с сантехника».

Посмотрел.

Подумал.

Зачеркнул.

Закрыв блокнот.

Некоторые вещи лучше сначала прожить.

А записать успеется.

ГИМН ГОРОДУ, КОТОРОГО НЕТ

«Чем меньше существует обещанное, тем торжествен-

нее обычно проходит его презентация.»

- Макарыч

- Итак, Макарыч, - сказал врач. - Вы понимаете, почему оказались у нас?

- Потому что отказался писать гимн.

Врач поднял глаза.

- Вам предлагали гимн?

- Городу.

- Какому?

- Которого нет.

Врач посмотрел в карту.

Потом на Макарыча.

Потом опять в карту, словно надеялся, что за это время диагноз успеет сформулировать себя самостоятельно.

Не сформулировал.

- Продолжайте.

- Я и продолжал. Поэтому и оказался здесь.

Врач снял очки.

На стене за его спиной висела картина: голубое небо, дорога к горизонту и аккуратная надпись:

«ВЕРЬТЕ В ПЕРСПЕКТИВУ».

В правом нижнем углу облупилась краска.

Из-под перспективы выглядывала обычная серая стена.

- Хорошо, - сказал врач. - С самого начала.

Макарыч подумал.

- Понедельник. Девять двенадцать.

- Вы так точно помните?
- Мне позвонили до второго чая.
- Это существенно?
- Первый чай у меня физиологический. Второй уже юридический.

Врач что-то записал.

- Продолжайте.

* * *

Всё действительно началось в понедельник, в девять двенадцать.

Макарыч сидел на кухне и пил чай из пакетика.

Не чай.

Скорее воспоминание о чае, увиденное из автобуса.

Телефон зазвонил.

Номер незнакомый.

- Макарыч?

- Иногда.

- Вас беспокоит Агентство пространственного развития.

Макарыч поставил чашку.

- Уже тревожно. Что развиваете?

- Территорию.

- Она сопротивляется?

В трубке стало тихо.

Ненадолго.

Женщина на другом конце обладала полезным профессиональным качеством: умела не замечать посторонних смыс-

ЛОВ.

- Нам рекомендовали вас как автора.
- Недоброжелатели.
- Нужно написать гимн.
- Кому?
- Городу.
- Название?
- Рабочее.
- Адрес?
- Концептуальный.

Макарыч снова взял чашку.

Потом решил, что на этом месте чай лучше не трогать.

Cui bono?

Кому выгодно?

Опыт подсказывал: когда у города ещё нет адреса, но уже срочно нужен гимн, где-то неподалёку кто-то, скорее всего, уже купил хороший внедорожник.

- Гонорар?

Женщина назвала сумму.

- Достойный.
- Мы ценим профессионалов.
- Когда?
- После торжественного прибытия.
- Кого?
- Гостей.
- Каких гостей?

- В рамках международного этапа.

- То есть денег пока нет?

- Деньги есть.

Пауза.

- Просто они тоже находятся в стадии прибытия.

Макарыч помолчал.

Утро становилось интереснее.

- Ладно. Город покажете?

- Конечно. Завтра пресс-тур. Автобус в восемь утра. Возьмите паспорт, резиновые сапоги и праздничное настроение.

- Сапоги зачем?

- Погода переменчива.

- А настроение?

- Оно у нас должно быть устойчивым.

Макарыч посмотрел на телефон.

- Это уже сложнее.

* * *

На следующий день автобус стоял у офиса Агентства странственного развития.

Большой.

Белый.

На борту:

БУДУЩЕЕ БЛИЖЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ.

Под надписью ржавел порог.

Будущее, видимо, действительно было близко.

У входа двое мужчин курили. Девушка таскала коробки

с буклетами. Кто-то искал зарядку. Кто-то фотографировал автобус исключительно с той стороны, где ржавчина пока не участвовала в проекте.

Пахло дизелем, кофе из бумажных стаканов и совершенно обычным рабочим утром.

На таком фоне будущее выглядело особенно убедительно.

Макарыч поднялся в салон.

Кроме него было ещё человек семь.

Журналист.

Два блогера.

Кто-то из администрации.

Женщина в сиреневом костюме представилась:

- Координатор будущего детского смеха.

Макарыч посмотрел на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.